

предусмотренном для дипломатического агента в государстве пребывания [9, С.75].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Шанхайская организация сотрудничества как международная межправительственная организация наделена привилегиями и иммунитетами в объеме, предоставленном соответствующим международно-правовым актом и данный объем правомочий дает ей возможность надлежащим образом, беспрепятственно выполнять свои функции. Безусловно, что наряду с другими правами (право вступать в официальные отношения с другими субъектами международного права, право заключать международные договоры и т.д.) право на привилегии и иммунитеты является очевидным подтверждением наличия у Шанхайской организации сотрудничества международной правосубъектности.

1. Устав Лиги Наций от 13 февраля 1919 года. http://www.istorik.ru/library/documents/nations_league/index.htm

2. *Капустин А.Я.* Международные организации в глобализирующемся мире: Монография. – М.: РУДН, 2010. – 320 с.

3. *Шиббаева Е.А., Поточный М.* Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. – М.: Изд-во Московского Университета, 1988. – 192 с.

4. Устав Организации Объединенных Наций от 26

июня 1945 года// <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02536&ogl=all>

5. Устав (Статут) Совета Европы от 5 мая 1949 года// <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz05/dcm05129.htm>

6. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 07 июня 2002 года// <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02119&ogl=all>

7. Конвенция об иммунитетах и привилегиях Шанхайской организации сотрудничества от 17 июня 2004 года

8. Конвенция о привилегиях и иммунитетах Евразийского экономического сообщества от 31 мая 2001 года. // <http://femida.info/12/>.

9. *Лапров В.С.* Статус и деятельность Шанхайской организации сотрудничества (международно-правовой аспект)/ Дисс.на соис....ст.канд.юр.наук. – М., 2008. – 198 с.

* * *

Мақалада Шанхай Ынтымақтастық Ұйымының артықшылықтары мен иммунитеттері қарастырылған. Артықшылықтар мен иммунитеттер ШЫҰ-ның халықаралық құқық субъектілігін дәлелдейді. Сонымен қатар мақалада ШЫҰ-ның артықшылықтары мен иммунитеттері туралы 2004 жылғы Конвенция баптарының талдауы жасалынған.

* * *

The article considers the privileges and immunities of Shanghai Cooperation Organization in the context of determining the legal status of the SCO as a subject of international law. There given an analysis of articles of the 2004 Convention on the Privileges and Immunities of the SCO.

К.А. Уметов

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ

В период современных глобализационных процессов в научном мире и последних изысканиях ученых имеются противоречивые подходы в объяснении сущности суверенитета: суверенитет либо ограничивают (теории ограниченного суверенитета) либо сводят на нет (теория несuverенного государства). Далее идут теоретики безгосударственного общества типа глобальной политики и т. п., предлагающие полностью вывести за пределы юриспруденции понятия «государство» и «суверенитет». Это дает нам основание условно выделить два основных подхода: отрицание государства (государственности), а значит, и отказ от суверенитета как имманентного свойства, и замена последнего различными формами интеграции, кооперирования, федеративным устройством, компетенцией и автономией и т. п. [1. с.11].

Суверенитет представлялся показателем того, что в обществе существует верховная политико-

территориальная организация властвования – государство. Однако этот постулат оспаривался. Так, в соответствии с одним из подходов суверенитет и государство рассматриваются как понятия устаревшие, которые необходимо заменить на более адекватно отвечающие реалиям доктрины.

Рассматривая концептуальные особенности первого подхода, можно выделить два основных направления: нивелирование роли государства и полное его отрицание. Оба этих направления считают, что государства якобы слишком маленькие, чтобы решать глобальные проблемы в международном аспекте. В силу этого государство вынуждено передавать часть своих полномочий наднациональным сообществам, международным организациям, с другой стороны – регионам.

В результате происходит размывание термина «суверенное государство». Это теории юридического монизма, правосубъектности индивидов,

мирового государства права и теория компетенции [2. с. 11].

В.Д. Зорькин предложил рассматривать данный вопрос с двух позиций: с точки зрения противопоставления прав человека и права народа на самоопределение принципам государственного суверенитета и территориальной целостности и с точки зрения «неспособности» государств обеспечить эффективное управление в условиях глобализации [3. с. 5].

Ко второму направлению примыкает концепция отрицания государства в пользу институтов гражданского общества.

Как представляется, соотношение институтов гражданского общества и государства будет определяться в зависимости от того, что мы будем вкладывать в понятие «государство». Если рассматривать государство как некую политико-территориальную организацию властвования, то они коренным образом отделены друг от друга, а если же рассматривать государство как особым образом организованное общество, то речь уже будет идти о том, что одно «втиснуто» в другое. Так, Элазар (Элейзер), рассматривая государство, как «наиболее всеохватывающую ассоциацию», говорит о том, что оно лишь «обрамляет общество, но одно коренным образом отделено от другого. Область общественного ограничивает сферу распространения государства, и при этом имеется достаточное поле, где главенствует частная жизнь, легитимная по своему собственному праву и огражденная от необоснованного вмешательства государства» [4. с. 110].

Таким образом, если даже видеть социальную сущность государства в «служении» обществу, это служение не является отрицанием суверенного характера государства, поскольку ни одна из общественных организаций не может претендовать на то, чтобы стать единственным выразителем воли всех лиц, проживающих в конкретном государстве. Безусловно, были отклонения, например, в свое время ВКП (б) (КПСС) пыталась заменить собой государство, однако это является исключением, лишь подтверждающим правило.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что понятия «гражданское общество» и «государство» не противоречат друг другу. Более того, вне зависимости от модификаций и трансформаций функций государства, пока не возникнет качественно иной формы организации человечества и политико-территориальной организации властвования, нет обоснованной необходимости говорить об ослаблении (уничтожении) такой категории, как «суверенное государство». В силу этого на

современном этапе невозможна замена понятия «государство» его социальными институтами.

Вторым фактором, якобы разрушающим суть суверенитета, выступает глобализация. На фоне этого появляются различные теории европейского (мирового) правительства и европейской (всемирной) федерации, *которые преподносятся в качестве панацеи от грядущего распада государств. В частности, сторонники этих теорий предлагали создать европейскую (мировую) федерацию, с образованием глобального суперэтактического порядка, основанного на главенстве суперэтактических органов и суперэтактического права. Такие теории представлялись завершенным вариантом идеи федерализма как наилучшей формы объединения людей (Д.Сидянский). Однако как представляется, глобализация – это явление экономическое, а не политическое, кроме того, федерация – не форма объединения людей.*

Радикальным вариантом первого подхода, объединяющим теории отрицания государства (государственности), представляются теории отмирания государства и государственной власти. К ним можно отнести ленинскую теорию и теорию Леона Дюги. Согласно первой из них слияние наций связано с отмиранием государства, но процесс предлагался обратный: не отмирание-слияние, а слияние-отмирание [5. с. 22]. В.И. Ленин считал, что ... «сначала произойдет сближение и слияние наций, а затем отмирание государства». Вторая теория строилась на утверждении того, что государство не создает право, а лишь «констатирует» его как норму общественной солидарности. Поэтому в ближайшее время на смену государственному строю придет такой политический строй, из которого будет изъято понятие государственной власти и суверенитета, представляющей постулат формальной метафизики.

Как представляется, ученые, констатирующие фиаско доктрины суверенного государства, не предлагают каких-либо более или менее удовлетворительных доктрин взамен. Предложенные концепции мировой (глобальной) политики, субрегиональных (субнациональных) образований и т.п., якобы способные стать новыми союзами властвования, адекватно заменяющими «устаревшую» форму объединения людей- государство, также являются весьма дискуссионными. Думается, что человечество на данном этапе эволюции все еще не нашло лучшей формы организации, чем государство. Хотя нельзя не признать, что в последние десятилетия произошел очередной «импульс» суверенизации и объединительных (интегрирующих)

процессов и «всплеск» сепаратизма (это в том числе доказывает существование так называемых непризнанных государств). Тем не менее это не дает права говорить о том, что современное государство уже не способно с прежней эффективностью выполнять свои функции. Безусловно, «фрагментация» («разнонаправленный процесс фрагментации и интеграции») и «глокализация» как процесс принятия решений, затрагивающих режим функционирования ведущих политических и экономических акторов, на субнациональном и наднациональном уровнях присутствует, но это свидетельствует лишь о том, что в очередной раз модифицируется форма государства. Суть его остается неизменной. А то, что происходит передача определенных предметов ведения и полномочий по их осуществлению на местах различным общественным объединениям и международному сообществу, считается адекватным ответом на стоящие перед обществом проблемы, ибо местные власти всегда ближе к конкретным людям», а глобальные проблемы невозможно решить каждым в отдельности государством.

Таким образом, можно сделать вывод, что происходит не сокращение функций суверенитета, как настаивают сторонники теории отрицания государственного суверенитета, а сокращение государственной компетенции.

Рассмотрев основные теории отрицания государства, необходимо остановиться на теориях, непосредственно нивелирующих понятие «государственный суверенитет».

Во-первых, это теории, не признающие суверенитет имманентным свойством государства. К ним, прежде всего, относят концепции относительно-го, частичного, ограниченного суверенитета, полусуверенитета, а также унитарную теорию на первом этапе развития. Предлагалось, как минимум, два решения этой проблемы: поиск нового отличительного критерия государства и отказ от такого поиска.

Представители первого направления полагают, что «жизнь и практика» убедительно доказывали, что могут существовать несuverенные государства. В частности, сторонники этой позиции считали, что термин «суверенитет» применим только к тем государствам, которые играют наиболее видную роль в современной жизни человека. А отличительную особенность государства составляет не суверенитет, а самостоятельность в определенной сфере.

Государствами, по мнению немецкого ученого Ж. Мейера, являются все те политические союзы, которые обладают полномочием осуществ-

лять самостоятельно (по собственным законам) политические задачи и организовывать свой строй. Поэтому существуют: а) *суверенные государства*, которые не подчинены никакой высшей власти и б) *несуверенные государства*, над которыми высшему политическому союзу принадлежит ограниченное властвование (*Meyer G. Lehrbuch des deutsch Staatsrechtes. Leipzig, 1895.S. 8*).

Вслед за ним ряд германских ученых (П. Лабанд, Герман, Г. Шульце, Г. Еллинек, Г. Розин, Бри, Либе, Рем) стали утверждать, что «суверенитет, как признак государств, не может иметь безусловного значения для всех времен, а представляет собою лишь историческую категорию, что он означает собой лишь известную стадию в развитии государства и представлений о нем. Но, отвергнув суверенитет как атрибут государства, понадобились иные необходимо присущие свойства государства, позволяющие идентифицировать его как специфический политико-территориальный союз властвования.

Предлагалось шесть критериев, отличавших государства от иных политико-территориальных организаций: властвование по собственному праву, международно-правовая личность, универсальная или национальная цель, осуществляемая союзом, право самостоятельного изменения союзом своей территории и самостоятельная организация союза, самостоятельное осуществление союзом определенных политических задач и автономия.

Это дает нам основание утверждать, что ни один из предложенных критериев не может претендовать на универсальность, так как не может адекватно отразить специфику государства. Поэтому предполагается, что в самой концепции несuverенного государства заложено внутреннее противоречие.

Суверенитет – это исторически возникший одновременно с государством показатель государственности. Кроме того, государства действительно являются верховными организациями властвования только внутри страны. На международной арене признака верховенства не наблюдается. Государства здесь рассматриваются как самостоятельные участники международного общения. К тому же не совсем корректно сводить верховенство государства к его абсолютной власти или государственной компетенции.

Думается, что отказ от поиска специфических критериев государства неизбежно влечет размывание этого понятия в массе других. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что термин «несuverенное государство» а priori некоррек-

тен, внутренне противоречив. Тем более, что теория современного государства построена исходя из принципа суверенитета. Здесь нельзя не согласиться с А.К. Котовым, утверждающим, что суверенитет выступает «абстрактным выражением сущности государства», «фундаментальной категорией, субординирующей по отношению к себе все остальные государствоведческие категории и понятия» [6. с.16].

Во-вторых, к теориям, нивелирующим понятие «государственный суверенитет», относят теории несовместимости суверенитета с международным правом (Кельзен, Ссель, Нельсон). Предполагается, что «суверенитет одного государства непосредственно исключает суверенитет других государств», поскольку сама идея суверенитета несовместима с идеей правовой межсоциальной системы, так как любой правопорядок имеет компетенцию лишь в тех областях, которые не могут затронуть солидарность целого, никогда не имея гарантии того, что эти области останутся неприкосновенными.

По сути, вопрос о соотношении суверенитета и международного права касается проблемы существования права, обязывающего суверенное государство. При этом сложность заключается, прежде всего, в том, что понятие «государственный суверенитет» до сих пор не имеет однозначного толкования. Действительно, если исходить из доктрины абсолютного суверенитета, то можно сделать вывод, что «только одно государство может быть признано суверенным, ибо суверенитет какого-либо другого государства уже одним фактом своего существования означает ограничение суверенитета первого государства. Если исходить из толкования суверенитета как верховенства государства внутри страны и независимости на международной арене, то мы приходим к неизбежному выводу о том, что государства являются основными субъектами международного общения, а значит, именно они создают международное право. Отказ от доктрины суверенитета в этом случае невозможен, так как именно он является предпосылкой международной правосубъектности государств.

Кроме того, сложность данного вопроса обусловлена необходимостью соотношения международного и внутригосударственного права и проблемой иммунитета государств в общении друг с другом.

Рассматривая первый аспект данного вопроса, необходимо отметить, что в государстве не может применяться ни одна норма международного права, если она противоречит конституции.

Только после внесения соответствующих конституционных поправок она может вступить в юридическую силу.

Соответственно международное право не может противостоять верховенству государства внутри страны и его независимости на международной арене (только само государство по собственной воле может принять на себя какие-либо международно-правовые обязательства).

Что касается второго аспекта, то в современной науке говорят о так называемом функциональном (ограниченном) иммунитете государства, согласно которому все действия государства подразделяются на действия в качестве суверена и в качестве частного лица. Государство будет пользоваться иммунитетом только в том случае, если оно выступает как суверенный субъект властвования. В данном случае международное право не противостоит государственному суверенитету.

В силу сказанного можно предположить, что международное право и государственный суверенитет являются совместимыми понятиями, поскольку государства, как правило, не находятся в изоляции (были, конечно, в истории примеры искусственной изоляции Китая за Великой каменной стеной, Японии, искусственного разделения государств во время холодной войны на два лагеря: капиталистических и социалистических государств), а международное общение возможно только при взаимном признании и уважении суверенитета, исторических и культурных прав отдельных государств, сохранении их политического и экономического единства и территориальной целостности.

В-третьих, основанием для отказа от суверенитета называлось и то, что он якобы противостоит теориям правового государства и гражданского общества.

Так, предполагалось, что суверенитет, будучи термином, пришедшим из средневековья, утратил «вместе со своим величием и блеском всякий логический смысл». Его природа стала несовместима с наукой и жизнью права и государства и политически нецелесообразна в условиях современности.

Он представлялся как «санкция исторических пережитков и политических архаизмов, которой «нет места в современном правовом мире». Суверенитет якобы «дожил до той поры, когда и наука права и действительность отрицают эту идею как логическое понятие и политическую идею». Предлагалось «вытеснить» суверенитет не только из юриспруденции, но и «за пределы науки вообще» [7. с.46].

Вместе с тем суверенитет на современном этапе развития юридической литературы более не отождествляется с абсолютной властью. И не учитывать объективный исторический процесс изменения доктрин нельзя, тем более, если учесть, что сторонники доктрины абсолютного суверенитета рассматривают эволюцию понятий «правовое государство» и «гражданское общество».

Близкой к теории несовместимости правового государства и суверенитета является теория несовместимости суверенитета с парламентским правлением, федерализмом и со свободой личности. Теория несовместимости суверенитета с парламентским правлением основана на том, что в политической доктрине англоязычных стран отсутствует понятие государства как таковое. По сути, оно отождествляется с понятием «правительство». Соответственно, суверенитет мыслится как сосредоточение всей государственной власти в руках правительства. Что касается противопоставления суверенитета федерализму, то предполагается, что первый – это критерий абсолютной власти, а второй – «территориальное выражение внутреннего кредо демократии». Поэтому сторонники этой позиции делают вывод, что в таких государствах, как США, Канада, Австралия и ФРГ, «федерализм уже стал альтернативой государственному суверенитету».

Однако можно предположить, что эти теории некорректны. Суверенитет не зависит от формы государства. Более того, суверенитет не может служить ни средством защиты прав и свобод, ни механизмом их подавления, он служит обозначением верховенства государства внутри страны и его независимости на международной арене.

В-четвертых, это различные теории постепенного уничтожения государства в результате интеграции.

Тем не менее на современном этапе существует множество разнообразных теорий «мирового правительства» и «всемирной федерации». Сторонники каждой из них отстаивают тезис о необходимости ликвидации суверенных государств путем создания «всемирной организации», деятельность которой должна регулироваться международным (мировым) правом. Это якобы должно предотвратить «поголовное истребление человечества». Первое основывается

на идее коренного реформирования существующих международных отношений, ликвидации суверенных государств и создания мирового правительства. Второе направление основывается на концепции реформирования ООН с целью придания здания глобальной (всемирной) федерации.

Особое место среди таких проектов, как «мировое правительство» занимает *проект Ф. Джессена* (Ph. Jessup), основанный на признании индивидуума субъектом международного права. Такое признание рассматривается как возможность «вмешательства во внутренние дела чужих государств». Отказ от доктрины суверенитета происходит, таким образом, в пользу «концепции общего интереса», воплощением которого должно стать «мировое правительство».

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что теории мирового государства, по сути, исходят из отождествления понятий «государственный суверенитет» и «экономическая самостоятельность государства». Как представляется, это не равнозначные, а значит, и не взаимозаменяемые категории. Любое государство, независимо от своего экономического развития, обладает государственным суверенитетом наравне с другими государствами.

1. Манелис Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. – Ташкент, 1964. – С. 11.

2. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. – М., 1963. – С. 203.

3. Зорькин В.Д. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. – 2004. – № 6. (90). – С. 5.

4. Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Политические исследования // Полис. – 1995. – №5. – 110 с.

5. Ленин В.И. Полн.собр.соч. –Т. 30. – С.22.

6. Котов А.К. Государственный суверенитет Республики Казахстан: политико-правовой анализ становления и проблемы национально-государственного развития: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Алматы, 1994. – С. 16.

7. Вишняк М.В. Идея суверенитета в политической доктрине прежде и теперь // Юридический вестник. Кн. XVII Ч. 1. – М., 1917. – С. 46, 50-51.

* * *

В статье рассматриваются основные концепции государственного суверенитета, дается анализ противоречивых подходов в определении сущности государственного суверенитета в эпоху глобализации и интеграции международных правовых отношений.